

НАБЕГ СТАЛИНСКИХ ВАРЯГОВ

(ПАРТИЙНАЯ ЧИСТКА 1933 ГОДА)

В конце 20-х годов люди еще не боялись шутить на «горячие» политические темы. В одном популярном анекдоте молодую конторщицу строго спрашивали: «Товарищ, вы чистку проходили?» — «Ну что вы, я еще барышня».

Советская власть к тому времени выходила из подросткового возраста, и от нее ждали зрелых государственных решений. Хозяйство страны опять было в «положении». Замолкли заводские гудки, обесценился червонец, выстроились хлебные очереди. И тогда «кремлевский горец» навалился на амбары крепких мужиков и городских торговцев.

Первым итогом грабежа стали бунты и голод 1932—1933 годов, доходившие до каннибализма в черноземных областях. Сибирь перебилась на картошке и черемше.

Власти тарифицировали работников и иждивенцев по трем категориям. В октябре 1931 года красноярцам выдали по 350, 800 и 1000 граммов хлеба на разную раскладку. По килограмму мяса на месяц дали грузчикам и плавсоставу пароходства, а остальных тружеников пообещали кормить в «закрытых» столовых. На рабочую карточку приходилось 300 г карамели (служащим — 200), 125 г мыла, 2 литра керосина и катушка ниток. Рабочих ПВРЗ ошастливали тремя пачками папирос, а членам «закрытой» кооперации досталось по 50 г чая. О крупе, масле и сахаре уже не вспоминали. Люди не могли накормить семью казенным пайком и только кряхтели, глядя на базарные цены.

В условиях тотального дефицита ядовитым чертополохом расцвела коррупция в управленческом аппарате Восточно-Сибирского края. Первый скандал разразился летом 1932 года со снабжением золотых приисков Балея и Шантомы. Руководители Востсибтреста организовали секретный фонд, который составлял 3—5% годового оборота. Через него, по запискам, снабжали нужных людей, ремонтировали квартиры родичей и проворачивали бартерные сделки с другими «коммерсантами». Тогда на сибирском горизонте впервые появился Павел Акулинушкин. Вместе с видным сталинским опричником Матвеем Шкирятовым и бригадой контролеров ЦКК он изрядно «почистил» краевых управленцев.

Через год вскрылись хищения на базах станции Иннокентьевской и во всех снабженческих конторах. В сентябре 1933 года крайкомовцы ловко свалили ответственность на слабый прокурорский надзор и перерожденцев с партбилетом. Но в крайкоме был свой тайный фонд, через который доверенные партийцы истратили 900 тыс. рублей. Глухой ропот голодного населения пытался задавить силой. На машинно-тракторных станциях, железной дороге и крупных предприятиях ввели политотделы. Пролетарии встретили комиссаров «итальянской» забастовкой. Большинство работников ПВРЗ два дня отсиживались по домам. Другие вышли по гудку, но только изображали трудовое усердие на рабочих местах.

Нарастающая волна народного гнева и брожение среди аппаратчиков тревожили политическую элиту. Сталинцы перехватили инициативу в декабре 1932 года, объявив чистку партийных рядов. Всех влиятельных коммунистов заставили публично объясняться. Любой работяга мог прямо из зала задать каверзный вопрос или выступить с обличительной речью.

На «чистилищах» всплыла целая система махинаций в снабжении и общепите. 29 сентября 1933 года озлобленные красноярские партийцы указали на коррумпированных «отцов» Горюда. Секретарь горкома Шишков, председатель горсовета Карпухин и их приближенные на глазах горожан получали дополнительные пайки на базе золотопродснаба, меха для своих жен и любовниц на базе «Востсибпушнины» и по 200 рублей каждый месяц из лечебного фонда. Карпухин легко распорядился казенным хлебным фондом. Он передал 2 тонны муки дирекции верфи, а те отблагодарили горсовет «левым» катером. Заведующий орготделом горкома Рудик увлекался сомнительными финансовыми операциями в Торгсине.

В тоже время самоснабженцы объявляли второстепенными целые категории работников и отбирали у них продуктовые карточки. Первого октября члены бюро горкома сместили своего секретаря и других проворовавших коммунистов. Из Иркутска немедленно прилетела телеграмма с отменой этого решения. Крайкомовцы пытались замять скандал, но районная комиссия по чистке категорически потребовала «голова» Шишкова, Карпухина и Рудика. Тогда в Красноярск прибыл член Центральной контрольной комиссии Оскар Рывкин.

Бывший комсомольский лидер устроил облаву на «черном рынке» города. В ее сетях запутались многочисленные крупные и мелкие жулики. Правительство выделяло дефицитные вещи и деликатесы для обмена на пушнину, золото и другие валютные товары. Но львиная доля этих фондов попадала не в тайгу, а в свободный оборот окружного центра. Дирекция «Востсибпушнины» хронически не вытягивала план закупки ценных шкурок у охотников, сетуя на отсутствие ходовых товаров. Ревизоры быстро установили, что только за пять месяцев 1933 года через эту базу ушло товаров на 557 тыс. рублей, из которых товары на 350 тысяч достались посторонним людям и учреждениям. База Торгсина за четыре месяца реализовала товаров на 195 тыс. рублей, но золотоскупочным пунктам отправили лишь на 98 тыс. рублей. В конторе «Заготзерно» постоянно обвешивали колхозы, а фиктивно списанным хлебом спекулировали на базаре.

Шишков и Карпухин знали о «теневой» экономике, но не приняли должных мер, скрывая сигналы населения. 21 октября их окончательно изгнали из партии. На этот раз крайкомовцы и не пытались заступиться. Тремя днями раньше ЦК снял первого секретаря Ф. Г. Леонова и назначил на эту должность «казанского бригадира» Михаила Разумова. Рабочие-партийцы ПВРЗ, фабрики «Спартак» и других предприятий приветствовали замену властей на закрытых собраниях. Резолюции фактически выражали недоверие коррумпированным администраторам и политике индустриализации за счет сокращения социальных программ. Тем временем авторитет партийных властей настолько пошатнулся, что секретарей уже изгоняли без уведомления крайкома. Растерянные аппаратчики строительно уверяли рычаги власти. Бюро Брзянского райкома даже пыталось самораспуститься. Среди чиновников были коренные сибиряки и старожилы, которые хмуро встречали столичные директивы. Один инструктор иркутского горкома записал в дневнике, что уже готов стрелять коммунистов. Поэтому центр поспешил усилить свое влияние, разделив неуправляемый Восточно-Сибирский край и «перетряхнув» управленцев.

В декабре 1934 года правительство образовало Красноярский край. Организационную комиссию Политбюро возглавил секретарь ЦК Николай Ежов. Ему поручили быстро отправить на берега Енисея 300 номенклатурных работников. Сплести из них новую властную структуру доверили способному 35-летнему бюрократу Павлу Акулинушкину. Павел стал большевиком в 1917 году, вскоре бросил бондарный промысел и пошел служить в районную ЧК. Рабочий паренек, не получивший даже среднего образования, беззаветно громил троцкистов и правых уклонистов. С 1931 года он работал на разных должностях в ЦК партии и столичных наркоматах. В Сибирь его перебрали из Одессы, где он был уполномоченным КПК и свирепо «чистил» партийцев.

Вторым секретарем назначили Семена Голюдова из Читинского обкома. Бывший крестьянин, он окончил церковно-приходскую школу и со времен гражданской войны мотался по российским улкам и губкомам. В 1933 году проштрафился в Казахстане и попал в Забайкалье.

Чуть выше знат сибиряков председатель крайисполкома Иосиф Решиков, переведенный из Одессы. Он несколько лет жил в Новосибирске и работал в аппарате Сибирского края.

В мае 1936 года к ним присоединился председатель партколлегии КПК С. Т. Хавкин. Уроженец Полесья записался в партию еще в 1911 году, был старым подпольщиком и членом коллегии наркомата ЦКК-РКИ. «Варяги» привезли свои ватажки и расставили чиновников, секретарей, шифровальщиков и шоферов. Они азартно взяли за государственное строительство. К осени 1936 года только в партийной структуре края уже насчитывалось 600 кадровых аппаратчиков. Не меньше чиновников было в советской, профсоюзной и комсомольской номенклатурах. К ним тянулись активисты, мечтавшие ступить на «лестницу Иакова».

Ноявая администрация посулила сибирякам светлое будущее. Горожанам нарезали картофельные дебрянки, а колхозникам разрешили торговать продуктами, открыв заколоченные базарные ряды. Рабочим дали заработать на сдельщине. С января 1935 года по всей стране отменили продуктовые карточки. Позднее это «бабье лето» отечественного рынка назвали неонэпом. Сталинцам удалось сбить кризисный жар, но болезнь ушла в глубь государственного организма, и вскоре проросли метастазы...

Анатолий ИЛЬИН.

P. S. Буду признателен читательским откликам и дополнениям, помогающим по крупицам собирать драгоценные факты истории.

Веч. кр-к. 12.03.97